

Глубокой ночью Сяо Муюй очнулась от хаоса в голове. Глядя на мирно спавшую рядом холодную и отрешенную девушку, она вспомнила обрывки прошлого, и её щеки мгновенно вспыхнули. Мысленно она отчаянно кричала: Не может быть! Я ведь тянула её за подол и капризничала, да ещё и прилипла, как какой-то малыш! И что хуже всего, она помогла мне искупаться — это же такой позор! Спасите меня, как мне теперь смотреть ей в глаза?

Ранним утром 30 апреля 024 года Эры Тяньу Сяо Муюй проснулась, протирая глаза. Глядя на казалось бы всё ещё спящую Бай Цинсюэ, её мысли закрутились: а что, если сбежать украдкой, пока та не проснулась? Но, подумав чуть дольше, она вспомнила, что является безнадежным топографическим кретином, и стоило ей покинуть это место, как она, пожалуй, перестала бы отличать восток от запада. К тому же уходить по-английски крайне неприлично, и ни к чему хорошему это явно не привело бы. Ей захотелось оставить записку на прощание, но в комнате не было ни бумаги, ни кисти — вряд ли же писать кровью? В полном смятении она всё же решила подниматься потихоньку.

Кто бы мог подумать, что, едва спрыгнув с кровати, она запуталась в широких одеждах, рухнула плашмя на пол и испустила громкий возглас.

Бай Цинсюэ мгновенно распахнула глаза. Её холодный взгляд устремился на лежащую на полу Сяо Муюй, а голос не нёс в себе ни капли тепла: — Куда собралась?

Сяо Муюй испуганно вздрогнула, кубарем скатилась к дверям кухни и, высунув лишь маленькую головку, заикающимся голосом произнесла: — Т-та... то есть, ты проснулась! Я... я иду готовить тебе завтрак!

Через четверть часа Бай Цинсюэ стояла в дверях кухни и, глядя на нечто угольно-черное в котелке, источающее запах гари, с досадой приложила руку ко лбу. Протянув руку, она вытолкала Сяо Муюй из кухни и усадила на стул в столовой: — Сиди и не двигайся.

Сяо Муюй обиженно поджала губы и тихонько пробормотала: — Я ведь так старалась, почему у меня снова ничего не вышло...

Не прошло и полминуты, как Бай Цинсюэ вышла из кухни, неся изысканный и обильный завтрак, от которого исходил восхитительный аромат. Глаза Сяо Муюй мгновенно засияли, и она нетерпеливо спросила: — М... можно уже есть?

Бай Цинсюэ равнодушно отозвалась: — Ешь, это изначально для тебя готовилось.

Позавтракав, Сяо Муюй сидела на балконе в одиночестве и любовалась пейзажем, как вдруг заметила неподалеку оживленную улицу с едой. Над ней вились струйки дыма, а ароматы всевозможных закусок словно долетали до неё. Истинная сущность любительницы поесть тут же пробудилась: семена короткими шажками, она подбежала к Бай Цинсюэ, вцепилась ей в рукав и принялась легко тереться о него, умоляющим голосом произнося: — Сестрица, давай сходим на улицу закусок, а?

Бай Цинсюэ без малейших колебаний отказала: — Не пойду.

— Ну пойдем, пойдем, сестрица лучше всех~ — Сяо Муюй пустила в ход уговоры, её голос звучал приторно-сладко.

Бай Цинсюэ протянула руку и ущипнула её за мягкую щечку, спросила: — Сама ты сходить не можешь?

Лицо Сяо Муюй тут же с кислым выражением вытянулось: — Я топографический кретин, без сестрицы заблужусь, умоляю тебя, сестрица~

В конце концов Бай Цинсюэ не выдержала её уговоров, тяжело вздохнула, снова подхватила её на руки и зашагала к выходу.

Сяо Муюй испуганно вздрогнула от внезапного движения и поспешно обвила шею Бай Цинсюэ руками, панически вопрошая: — Т... ты чего?

Бай Цинсюэ изогнула бровь: — Разве не на улицу закусок собиралась? Передумала?

Сяо Муюй тут же расплылась в улыбке и крепко обняла её за шею: — Иду! Конечно иду!

Утренний свет был прекрасен. Две фигуры шли рука об руку: холодная девушка из семьи Белой Змеи и милая девушка из Клана Жемчужных Тритонов заложили начало особой связи среди улочек Города Чанчэн.

Утром 30 апреля 024 года Эры Тяньу, в Городе Лунчэн Континента Дуншэн, солнечный свет проникал сквозь резные деревянные окна, косыми лучами ложась в крупнейшую в городе библиотеку древних фолиантов. Воздух был пропитан запахом старых книг и легким ароматом туши. Святая Клана Кровавого Дракона Шэнь Сюцин сидела за деревянным столом у окна, а её кончики пальцев легко касались пожелтевших страниц — она читала с головой уйдя в процесс.

Она родилась яркой и живой, а меж бровей с самого рождения красовалась ярко-акратная метка Кровавого Лотоса. Эта метка словно служила природным сосудом для искусств: какую бы тайную технику Клана Кровавого Дракона она ни изучала, всё без остатка растворялось в лотосе, к тому же она могла по своему желанию призывать в бой кроваво-красные цветы, чьи летящие лепестки являлись смертоносным приемом. Пара коротких прядей волос подчеркивала миловидность её лица, ярко-красные зрачки излучали чистоту и ясность, а на макушке слегка выступала пара миниатюрных драконьих рожек. Пусть и не выставляемые напоказ, они источали присущее лишь драконьему роду величие, полное удали и мощи. Шэнь Сюцин всегда отличалась живым характером, общительностью и открытым нравом, пользуясь огромной популярностью среди молодежи всех кланов Города Лунчэн и легко находя общий язык с каждым. В этот момент она увлеченно изучала трактат Эзотерической Области У под названием «Анализ живых существ Эзотерической Области У». В книге подробно описывались повадки, излюбленные техники и смертельные уязвимости различных живых существ и

диких зверей всех кланов. Она горела желанием докопаться до подноготной каждого обитателя Эзотерической Области У и читала с таким исключительным сосредоточением, что даже окружающий шум не доходил до её слуха.

Лишь когда двое проходивших мимо заклинателей склонились друг к другу и заговорили вполголоса, а их слова донеслись до её ушей, это прервало ход её мыслей.

— Эй, ты слышал? Святой сын Клана Золотого Дракона Цзинь Бугуй отправился отомстить старшей мисс из Семьи Бай по имени Бай Цинсюэ! Той самой, что много лет назад вырвала у него драконью чешую!

— Еще бы не слышать! Я только что от людей слышал, они направились к торговому центру на Улице Закусок Чаншэн у окраины Города Лунчэн. Вот теперь будет зрелище: святой сын Клана Золотого Дракона против гордой девы из рода Белой Змеи, наверняка потрясающее представление!

Глаза Шэнь Сюцин мгновенно загорелись, она хлопком закрыла книгу, переполнившись любопытством. О давнем конфликте между Кланом Золотого Дракона и Семейей Бай она слышала краем уха. Теперь же святой сын лично отправился сводить счёты — подобное зрелище выпадает редко, а упускать дармовое развлечение нельзя. Вспыхнув силуэтом, она решительно поднялась на ноги, даже не успев вернуть книгу на место, быстрыми шагами вышла из библиотеки и устремилась напрямик к воротам Города Лунчэн. Её ноги несли её с невероятной легкостью, а сердце горело от нетерпения скорее поспеть на это сочное «представление».

А тем временем на Улице Закусок Чаншэн... Тремя минутами ранее святой сын Клана Золотого Дракона Цзинь Бугуй всё еще лениво отдыхал в своей резиденции. Его золотистые волосы небрежно рассыпались по плечам, золотые зрачки излучали некоторую расслабленность, полностью растеряв былую острую прыть. Пока верный братишка вихрем не ворвался внутрь, рывком подняв его на ноги и запыхавшись выпалив: — Бугуй, Бугуй! Помнишь Бай Цинсюэ, которая в шесть лет вырвала у тебя драконью чешую? Она сейчас в самом центре площади на Улице Закусок Чаншэн!

Эти слова прозвучали словно раскат грома, мгновенно пробудив Цзинь Бугуя. Он резким движением соскочил с мягкой тахты, от прежней лени не осталось и следа, а на дне глаз бушевали подавляемые годами гнев и обида. Его звали Цзинь Фаньчао, и когда-то он был презираемым всеми отбросом из Клана Золотого Дракона, который целыми днями только и делал, что развлекался и играл, ни капли не утруждая себя тренировками. И всё продолжалось до тех пор, пока в шестилетнем возрасте Бай Цинсюэ прилюдно не вырвала у него драконью чешую, после чего его похитили злоумышленники, и лишь пройдя через тяжкие испытания, он чудом сумел бежать. Тот унижительный опыт заставил его полностью прозреть и осознать: лишь истинная сила служит основой для выживания в Эзотерической Области У. Презирая насмешки и холодные взгляды соплеменников, он трое суток напролет простоял на коленях на вершине горы, где тренировался старейшина Клана Золотого Дракона. Стоял глухой зимний сезон, валил густой снег, покрывая всё его тело сплошным слоем, ледяная стужа пробирала до костей, но он не шелохнулся ни на дюйм, жаждая лишь одного — чтобы старейшина передал ему технику. В конце концов сердце старейшины дрогнуло, и он в виде исключения принял его

в ученики, принявшись усердно обучать закалке тела и боевым искусствам. С тех пор он и сменил имя на Цзинь Бугуй, что означало: прежний трусливый и никчемный Цзинь Фаньчао умер, и отныне он живет ради мести и обретения мощи. Три года упорных тренировок переродили его. Вернувшись, он принял участие в великом состязании Клана Золотого Дракона, пробился сквозь тернии и с легкостью занял первое место, став всеобщим объектом восхищения и святым сыном клана.

— Бай Цинсюэ... Наконец-то я дождался тебя! — Цзинь Бугуй сжал кулаки так, что костяшки побелели, резко развернулся и большими шагами бросился наружу.

Приятель при виде этого поспешно отступил назад, замахав руками: — Я точно не пойду! Вы двое затеете схватку, от которой наверняка пострадает всё вокруг, а мне совсем не улыбается попасть под раздачу!

Цзинь Бугуй не стал настаивать. Одиноким, окруженный пронизывающей и суровой аурой, он устремился напрямик к Улице Закусок Чаншэн.

Тем временем Бай Цинсюэ и Сяо Муюй уже ступили на Улицу Закусок Чаншэн. По обеим сторонам улицы тянулись ряды лавок, вились струйки дыма, а воздух наполняли ароматы всевозможных угощений. Звуки зазывал и веселые разговоры переплетались, создавая невероятно оживленную атмосферу. Светло-голубые глаза Сяо Муюй ярко сияли — сущность любительницы вкусно поесть проявилась во всей красе. Она вертела головой по сторонам, находя всё вокруг удивительным и новым. Внезапно она заметила стоявший у дороги лоток с засахаренными фруктами на палочках. Алые ягоды были покрыты хрустящей карамельной глазурью и выглядели просто потрясающе. Она тут же подбежала туда и звонким голосом попросила у торговца две связки.

Но когда она протянула руку, чтобы расплатиться, и коснулась пальцами шеи, до неё внезапно дошло: её заветный кулон «Капля Воды» вместе с пространственным ожерельем давно отобрала Зеленоводная Змея, и у неё при себе не было ни единой медной монеты. Лицо девочки мгновенно с кислым выражением сникло. Она украдкой ущипнула себя за бедро, ощутив легкую колющую боль, от которой в уголках глаз тут же выступили несколько капель хрустальных слезинок. Стоило слезинкам упасть на землю, как они превратились в круглые жемчужины. Оставшиеся жемчужины она тоже сунула торговцу.

Бай Цинсюэ опустила взгляд на лежащие на ладони жемчужины и засахаренные фрукты. В её холодных глазах промелькнуло недоумение, и она негромко спросила: — К чему это?

Сяо Муюй взяла её за руку, продолжая идти вперед по улице закусок, и, обернувшись, одарила её сладкой улыбкой, а её светло-голубые пряди волос затрепетали на ветру: — У меня нет пространственного хранилища, носить их при себе неудобно, а когда они у тебя — мне так спокойно.

В дальнейке пути Сяо Муюй водила Бай Цинсюэ по большей части улицы закусок, покупая сахарные пирожные, зеленые шарики из риса, вяленое мясо со специями, сахарные узоры и

самые разные лакомства. Странно было то, что каждое блюдо она неизменно брала в четном количестве, а получив их, без колебаний делила половину с Бай Цинсюэ. Бай Цинсюэ смотрела на постепенно заполнявшие её руки угощения и в конце концов не выдержала, пересилив подступающие сомнения, и глухим голосом поинтересовалась: — Почему ты каждый раз делишь со мной половину?

Сяо Муюй, чей рот был набит сахарным пирожным, с надутыми щеками с трудом проглотила еду, после чего захлопала своими чистыми светло-голубыми глазами и честно ответила: — Утром ты приготовила для меня столько вкусного, я же не могу съесть всё в одиночку! Хорошими вещами обязательно нужно делиться!

Услышав это, Бай Цинсюэ почувствовала, как в груди что-то дрогнуло. Её вечно холодные брови и уголки глаз незаметно смягчились, и она послушно позволяла Сяо Муюй вести себя дальше, пока они неспешно не дошли до самой центральной площади гурманов на улице закусок.

Стоило девушкам остановиться и приготовиться попробовать купленные угощения, как дорогу им преградил резкий и грозный силуэт. Золотые волосы, золотые зрачки, давящая аура — это был спесивый Цзинь Бугуй. Его взгляд впился в Бай Цинсюэ, а голос был полон сдерживаемого гнева: — Ты ведь Бай Цинсюэ, верно?

Бай Цинсюэ сохранила равнодушное выражение лица, бросила на него мимолетный взгляд и холодно бросила: — Мм, а ты кто?

Цзинь Бугуй выпрямил грудь, собираясь горделиво назвать свое имя: — Мелкий господин — святой сын Клана Золотого Дракона Цзинь Бугуй, и я явился сюда специально, чтобы...

Не успел он закончить, как его перервал звонкий голос Сяо Муюй. Она шагнула вперед, заслонив собой Бай Цинсюэ, сморщила носик и посмотрела на Цзинь Бугуя: — Молодой человек, а нельзя ли выражаться прямо? Ходишь вокруг да около целую вечность, от твоих речей только голова болит.

Байвицы сошлись в хмурых взглядах, Цзинь Бугуй с ног до головы омерил Сяо Муюй презрительным тоном: — Ты прихвостень Бай Цинсюэ? Не лезь не в свое дело!

Словосочетание прихвостень больно ударило по Сяо Муюй. Она тут же разъярилась, широко распахнула светло-голубые глаза и бесцеремонно огрызнулась: — Средь бела дня — откуда вылез этот дядя-юнэцу? Не иначе как сбежал из психиатрической лечебницы, раз от него так несет за версту!

— Я что, настолько стар? — Цзинь Бугуй так разозлился, что сжал кулаки, а его лицо посинело. — Ты так много обо мне знаешь, случаем, не из того же места сбежала?

Переругиваясь на чем свет стоит, они препирались до багровых лиц, не уступая друг другу ни

на шаг. Вокруг тут же начали собираться зеваки, толпа стремительно росла — все ждали продолжения этого зрелища. Сяо Муюй, от природы простодушная, разозлилась и расстроилась от колкостей Цзинь Бугуя настолько, что у неё зацимило в груди, а в голове закружилось. В конце концов, на исходе терпения, она закрыла глаза и, потеряв силы, рухнула прямо на руки Бай Цинсюэ.

Бай Цинсюэ поспешно подхватила её, крепко обняв, а её пальцы на запястье девушки стиснулись с такой силой, что выражение лица мгновенно заledenело, а вокруг заструился пугающий холод.

Цзинь Бугуй при виде этого тоже опешил. Он осторожно подошел ближе, бросив испуганный взгляд, и неуверенно произнес: — Она что... неужто я довел её до обморока от злости? Я ведь ничего такого обидного не сказал!

В этот момент из кроны раскидистого дерева неподалеку сорвался изящный силуэт. Вспорхнули алые одежды, а ярко засияла метка Кровавого Лотоса на лбу — это прибыла Шэнь Сюцин. Быстрым шагом приблизившись к Бай Цинсюэ, она перехватила Сяо Муюй и произнесла: — Я проверю пульс, посмотрю, в чем дело.

Бай Цинсюэ кивнула, внешне отделавшись лишь сухим Мм, однако на душе у неё бушевала настоящая буря из самобичевания и паники: это же девушка, которую я с таким трудом спасла, если с ней что-то случится, я живого места не оставлю на том, кто перед ней стоит. Её пронзительный взгляд впился в Цзинь Бугуя, а пальцы шевельнулись, мгновенно призывая длинный меч со смертоносным блеском. Острие уставилось прямо на Цзинь Бугуя, пока вокруг незримо расходилось давление крови рода Белой Змеи.

Цзинь Бугуй содрогнулся от этой внезапной жажды убийства, подсознательно отпрянув назад, а его голос задрожал: — Ч... чего вы? Ну поругались немного, неужто сразу мечами махать?

Обстановка накалилась до предела, однако Шэнь Сюцин сохраняла невозмутимость, продолжая мерить пульс Сяо Муюй. Спустя мгновение она подняла голову, посмотрела на готовившуюся устроить одностороннюю расправу над Цзинь Бугуем Бай Цинсюэ и с легким смешком произнесла: — Не переживайте, всё в порядке. Её просто переполнили эмоции, да плюс устала после долгих прогулок — она банально заснула.

Бай Цинсюэ остолбенела. Её натянутое как струна тело мгновенно расслабилось, она медленно убрала меч и тихонько кашлянула, скрывая недавнюю потерю самообладания, а затем бережно вернула Сяо Муюй в свои объятия, глядя на неё с неизменной заботой.

Однако стоило всем вокруг выдохнуть, как грянули перемены. Пять черных силуэтов, словно призраки, выскочили из толпы. От них разило леденящим холодом, а их длинные мечи синхронно указали на Шэнь Сюцин, в то время как голоса прозвучали с леденящей душу жестокостью: — Святая Клана Кровавого Дракона, отдай синеволосяную девушку-тритона, иначе мы сегодня же вырежем вас всех до единого, никто не уйдет живым!

Напряжение вновь взлетело до небес: только что утихший конфликт из-за внезапного появления людей в черном погрузился в пучину еще более страшной опасности. Те пятеро рухнули на землю, обратившись лужами крови, от которых по-прежнему разил густой смрад. Два не до конца убитых прихвостня дрожали в углу, и один из них трясущимся голосом спросил у уцелевшего подельника: — Главарь, а на кой ляд нам сдалась эта синеволосяя девчонка-тритон?

Тот, кого называли главарем, осквернил лицо жадной и похотливой ухмылкой, злобно протянув: — Дурень! Разве не слышал, что слезы тритонов Восточного Моря могут обращаться в жемчуг? Стоит нам довести её до слез, и мы получим неисчерпаемые сокровища! К тому же девчонка чертовски хороша собой, украдем — выручим за нее кучу денег или поднесем верхам, выгода огромная, хе-хе-хе...

Эти слова долетели до слухов Шэнь Сюцин без единого упущения. Она покачала головой с легкой досадой и усмехнулась: — Как раз вовремя, словно подушка под голову усталому путнику. Кто-то попался под горячую руку, так что мне даже пачкаться не придется. Тем временем Бай Цинсюэ, услышав наглые речи о планах злоумышленников причинить вред Сяо Муюй, покрыла своё и без того холодное лицо слоем изморози. Ярость в её сердце вспыхнула с новой силой, словно масло в огонь. Шевельнув пальцами, она мигом призвала личный духовный меч. Её силуэт мелькнул с призрачной скоростью, и в мгновение ока пять холодных вспышек рассекли воздух — головы всех пятерых бандитов синхронно покатались с плеч, а фонтаны крови брызнули в стороны. Но даже так Бай Цинсюэ не смогла унять гнев: перехватив рукоять и полоснув воздух свирепым ветром, одним взмахом она превратила все трупы в кашу из крови и плоти, не оставив и следа от останков, а порочная аура вокруг неё рассеивалась еще долго.

Шэнь Сюцин, заметив это, тут же призвала собственное именное оружие — Копье Кровавого Лотоса. Древко обвивали алые лучи, а на наконечнике распустился полураскрытый узор кровавого лотоса. Воздействуя техникой, она заставила копьё впитать всю лужу крови на земле, отчего красное свечение оружия стало еще ярче. — Как раз покормлю копьё, а то оно давно не вкушало крови и подрастеряло остроту. Убрав Копье Кровавого Лотоса, Шэнь Сюцин благоразумно и аккуратно передала всё еще спавшую Сяо Муюй прямо в руки Бай Цинсюэ — сама она ни за что не рискнула бы держать девушку-тритона чересчур долго, опасаясь навлечь на себя гнев гордой девы из Белых Змей и закончить точно так же, как бандиты.

Бай Цинсюэ привычно приняла Сяо Муюй, надежно прижав к груди, немного смягчила тон и обратилась к Шэнь Сюцин: — Благодарю Святую Шэнь за помощь. За всё, что произошло только что — примите мою признательность. Шэнь Сюцин отмахнулась с улыбкой: — О чем ты, все мы дети кланов из Эзотерической Области У, к чему эти церемонии, чай, не чужие.

Обмениваясь любезностями, они подошли к входу в старинный чайный дом у дороги, как раз в этот момент Сяо Муюй неторопливо пришла в себя. Раскрыв глаза, она увидела близкое лицо Бай Цинсюэ с холодными чертами, а в лицо пахло теплым дыханием. Её щеки мгновенно покраснели, она поспешно отпрянула назад и заикающимся голосом выдала: — Я... я где? И... и вообще, чего прижалась-то так близко?

Бай Цинсюэ тихонько опустила её на землю со словами: — Проснулась — так стой на ногах

сама. Сяо Муюй скривила губы и тихо проворчала: — Чего ты вечно такая холодная, ни капли нежности.

Тут к ним подскочил Цзинь Бугуй, с удивлением разглядывая Сяо Муюй с ног до головы: — Ты что, не померла? А я думал, от моих слов ты откинула коньки и больше не очнешься.

Сяо Муюй и без того затаила обиду, а услышав подобное, вспыхнула ярким пламенем. Уставившись на Цзинь Бугуя, она взвизгнула: — Да я переживу твою смерть! Тьфу, какая гадость! Шэнь Сюцин протянула руку и легонько стукнула Цзинь Бугуя со словами упрека: — Цзинь Бугуй, хватит к ней приставать, только очнулась — а ты опять за своё. Цзинь Бугуй потер ушибленное плечо и виновато захлопнул рот.

Четверка вошла в чайный дом, заняла столик у окна и велела подать чайник горячего чая. Шэнь Сюцин отпила глоток из чашки, посмотрела на Бай Цинсюэ с Сяо Муюй и спросила: — Вы обе с чего это вдруг заявили на Улицу Закусок Чаншэн? По вашей воле не похоже, будто вы просто прогуливаетесь.

Бай Цинсюэ опустила чашку и лаконично выронила четыре слова: — Охота на змей за вознаграждение. Сяо Муюй поспешно перехватила инициативу, с обиженным лицом пояснив: — Я просто вышла на берег подышать воздухом и погулять, как вдруг моё пространственное ожерелье украла Зеленоводная Змея. Внутри лежала куча моих важных вещей, да еще и мой знак — кулон «Капля Воды», вот же невезение.

Шэнь Сюцин задумалась на мгновение, хлопнула по столу и заявила: — Раз так, мы с этим недоумком составим вам компанию. Больше людей — больше помощи.

Цзинь Бугуй, который сидел в уголке и лузгал семечки, от неожиданности дернулся, рассыпав их по полу, и замахал руками: — Погодите-ка, с какого перепугу я должен тащиться с вами на какую-то охоту за змеями? То ведь дикий зверь уровня А, я ужас как труслив, не пойду, не пойду!

Шэнь Сюцин метнула в него ледяной взгляд, от которого Цзинь Бугуй мгновенно сник, тут же сменив пластинку и расплывшись в угодливой улыбке: — Нет-нет, раз мне всё равно делать нечего, пойдёмте все вместе! Искоренять нечисть — долг мелкого господина!

Закончив чаепитие, Цзинь Бугуй вывел всех к выходу из чайного дома, после чего направил ци в русло своей техники высшего класса качества Сянь — **«Техника Управления Облаками»**. Сконцентрировав духовную энергию на ладони, он сотворил в воздухе ослепительно-белую облачную ладью, окруженную слабым золотым сиянием и поразительно устойчивую. Цзинь Бугуй первым ступил на борт и поманил остальных: — Запрыгивайте скорей, ладья ходит быстро, доберемся до Пещеры Водного Ручья в мгновение ока. Сяо Муюй осторожно шагнула на облачную ладью и, ухватившись за бортик, с тревогой произнесла: — Недоумок, а эта штука не развалится по дороге? Я летать не умею. Едва погасший гнев Цзинь Бугуя вновь взметнулся вверх, и он огрызнулся: — Не бойся, никуда она не рухнет! И вообще, меня зовут Цзинь Бугуй, а не недоумок, нечего коверкать мое имя!

Сяо Муюй уже собиралась ответить колкостью, как ладья плавно опустилась на землю. Четверо путников очутились перед горной пещерой, над входом в которую красовались три древних иероглифа — Пещера Водного Ручья. Вокруг входа зеленел мох, от влажного испарения веяло прохладой и зловещей глубиной. Глядя на надпись, Сяо Муюй не удержалась от бормотания: — Надо же, у этой Зеленоводной Змеи даже имеется литературный вкус, раз свой схрон назвала. Бай Цинсюэ сохранила сосредоточенный вид, заранее сжав рукоять духовного меча, в то время как Шэнь Сюцин и Цзинь Бугуй тоже растеряли улыбки — внутри их тел заструилась духовная сила, подготавливая их к бою, и вся четверка неспешно шагнула в мрак пещеры.

<http://bllate.org/book/19717/1938983>